

Берегите нас, поэтов,
Берегите нас.
Булат Окуджава

Станислав РАССАДИН

Как известно, вскоре после смерти Есенина написал стихи-реквием, или, скорее, стихи-спир... Нет, не совсем так. Не сама по себе смерть оказалась толчком к созданию стихотворения «Сергею Есенину», но — общественная реакция, если этим холодным словом можно назвать, что было некогдай и стати, а и через, почти эпидемию самоубийств, последовавшую за уходом любимого поэта и за его прощальным словом: «В этой жизни умирать не надо, и жить, конечно, не новей!». «С этим стихом», — сказал Маяковский, — можно и надо бороться стихом и только стихом». Так и возник полемический параллель Есенинскому прощанию: «В этой жизни помереть не трудно. Сделать жизнь значительной трудней».

Надо быть большим негодом, чтобы хихикать по тому поводу, что всего через четыре года после написания этой отповеди сам поэт-премьер покончил с собой. Дело, однако, в том, что и тут, в смерти, оба они, соперничавшие при жизни, оказались в положении категорически разном... — имело в виду все ту же реакцию. Не властей, не прессы, а тех, кого снисходительно называли умницами, хотя надо бы — народом.

Всем памятно предсмертное письмо Маяковского. Трагический документ государственно-человека, который свое прощание с миром открывал громогласным обращением: «Всем!», оправдываясь перед равнодушными, спорит с ничтожным Ермиловым. И насколько — ну, скажем, интимнее, проще, общепонятнее уход Есенина — при всей романской нарывности процитированных строк.

В этих немудреных сентенциях — «не ново... не новей! — в этой трогательнейшей банальности, в этом никогда не оставляющем Есенина желании выглядеть перед улицей и ее поэтом — своему рода, посмею сказать, неуступчивостью. Несвободность — да, да, это при его-то вседающем желании нравиться.

Замечательно, что та же улица вдруг напомнила Маяковскому, что и он — поэт, как бы старателей ни притворялся чем-то иным, как бы ни наступал подкованной заграничной подошвой на хрупкое горло своей лирической песни. Его письмо запели никакие и беспризорные в поездах, прочитавшие его по-своему:

Товарищ правительство, пожалей мою маму!

И белую лилию, сестру.
В столов лежат две тишины,
Пусты финишнатор взыщет,
А себе скопокинено помру.

Как было? «Товарищ правительство! Моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты обеспечишь им спокойную жизнь — спасибо». И вот деловитые строчки, указывающие на заслуги покойного, достойные пенсии его семье, у поэзда певца преображают эмансипированную Лилию Юрьевну в вечный символ жесткости, в лицо, в обращение к власти, звучит человеческой просьбой, которая, с точки зрения «средних людей» (выражение Зощенко), выражает наиболее понятную форму их отношения с государством: «пожалей».

А Есенин... Его прощальный привет стал песней мгновенно, не потребовав переделки, разве что продолжаясь, обрастая — с легкой руки Вертигского, по маниованию его длинных пальцев — новыми строчками: «До сиданья друг мой, додороги свечи...» — и т. п. Есенин как был, так и остался своим. Плоть от народной плоти. Дух от духа. И поскольку это именно так, то как, казалось бы, не понять тех, кто то вдруг воскликнет: «Есенин умер не сам, ему помогли умереть «враги народа»?

Так испугано в снежную вылью
Заметалась звездящая жуть,
Здраствуй ты, моя черная гибель,
Я настичу к тебе выхой!
...Пускай для сердца тугче колко,
Это песня звездных прах!
...Так охопники трачат волка,
Зажимая в тиски облак.
...О, привет тебе,

зверь мой любимый!

Ты недаром даешься ножу!
Как и ты — я, отсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.
Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпрашую бражеской кровю
Мой последний,

смертельный прижок.

Сергей Есенин

Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный ли волк, стрижек ли волк, он все равно не похож на пуделя. Со мной и поступили как с волком.

Михаил Булгаков

Мне на плечи кидается век-волкодав...
Осип Мандельштам

Идет охота на волков, идет охота...

Владимир Высоцкий

«Я верю в пророчество птиц», — сказано в «Борисе Годунове». Правда, говорит это Гришка Отрепьев, посыпрая холуя-стиховидца, который предсказывает самозванцу победу и получает за то награду. Так что Пушкин здесь достаточно ироничен, и жаль, что мы, подхватив у него вполне серьезное сравнение поэта с пророком, не корректируем эту серьезность хотя бы дольше его же иронии.

Когда Цветаева просит у Бога: «Дай мне смерть!», можно ли говорить, что она пророчила свою птицу Елабугу? И да, и нет: ведь эту просьбу я выразил из строк, где она, в сущности, ничуть не трагична: «Ты дал мне детство — лучши сказки и дай мне смерть — в семнадцать лет!» Писано как раз в пору семнадцатилетия, на четвертый день после именин, и, в общем, является не более чем поэтическим вариантом бытового «умри я на этом месте!» — в чем, в чем, а уж в этой поговорке, как ни бейся, пророчество не заподозришь. Или — вот случай, более чем поминайши в связи с мыслью о «пророчествах птиц» — строи поэты-фронтовиков, еще накануне войны угадавшие свою гибель: «Мы, лобастые мальчики невиданный революции... в двадцать пять внесенные в смертные реляции»

(Павел Коган). «Вы в книгах прочитаете, как миф, о людях, что ушли, не добрались, и докурили последней папиросы» (Николай Майоров). И ушли, не вернулись — и Майоров, и Коган, и другие, но верно ли называть пророчеством, которое всегда индивидуально, то, что было очевидно многим, чуявшим приближение страшной войны?

Правда, есть особые случаи. Та же Лилия Брик справедливо заметила, как постоянина в поэзии Маяковского тема самоубийства. А Есенин — хотя бы со стихами об обреченному волке, в котором поэт видит товарища по несчастью? — А — Мандельштам, Булгаков, Высоцкий?

Что до Есенина, можем продолжить: «Если раньше мне были в морду, то теперь вся в крови душа... И эту грязовую дрожь как ласку новую приемлю... Оттого пред сомнением уходящих я всегда испытываю дрожь». Действительно — всегда, постоянно, как будто зовет и горит свой конец, но задумаемся и о том, что обычно чем чаще говорят о смерти, тем больше ее страшна и не хотят. О патологических исключениях не говорю — разве Есенин и патология совместимы?

Да, все знаем: об алкоголизме, разрушающем тело и душу, о скандалах и прочем, но

(Павел Коган). «Вы в книгах прочитаете, как миф, о людях, что ушли, не добрались, и докурили последней папиросы» (Николай Майоров). И ушли, не вернулись — и Майоров, и Коган, и другие, но верно ли называть пророчеством, которое всегда индивидуально, то, что было очевидно многим, чуявшим приближение страшной войны?

Правда, есть особые случаи. Та же Лилия Брик справедливо заметила, как постоянина в поэзии Маяковского тема самоубийства. А Есенин — хотя бы со стихами об обреченному волке, в котором поэт видит товарища по несчастью? — А — Мандельштам, Булгаков, Высоцкий?

Что до Есенина, можем продолжить: «Если раньше мне были в морду, то теперь вся в крови душа... И эту грязовую дрожь как ласку новую приемлю... Оттого пред сомнением уходящих я всегда испытываю дрожь». Действительно — всегда, постоянно, как будто зовет и горит свой конец, но задумаемся и о том, что обычно чем чаще говорят о смерти, тем больше ее страшна и не хотят. О патологических исключениях не говорю — разве Есенин и патология совместимы?

Да, все знаем: об алкоголизме, разрушающем тело и душу, о скандалах и прочем, но

самого. Он играл, когда явился в салон Гиппиус и Мережковского в обувке, поразившей Зинанду Николаевну. «Какие на вас странные гетры!», — сказала она, направив на есенинские ноги лорнет, а он ответил — будто бы простиливо: «Это валенки». Он играл и тогда, когда они с Николаем Клюевым, оба еще неизвестные, взяли по ведру с краской, кисти и пришли на дачу поэта Годлевского, в ту пору — знаменитости и мэтра, красить забор за соблазнительно малую цену. Покрасили, пошли, как волится, на кухню с харчом и магарычом и, к изумлению хозяина, начали читать стихи. В общем, как заметил ироничный Виктор Шкловский, «доставили Сергею Митрофановичу Годлевскому удовольствие сея открыть».

Когда-то Петр Яковлевич Чаадаев, по чисти и язвительности ни с кем не сравнимый, заметил, что, когда славоянфили Константина Аксакова появляется на московских улицах в костюме, который считает истиной русским, народ принимает его за персонацию. Что до Есенина, то не нужно было иметь ни едкого заудаевского ума, ни рекламистского опыта Маяковского, чтобы увидеть в его лапах и рубашке с крестиками — как позже в блестящем цилиндре,

самого. Он играл, когда явился в салон Гиппиус и Мережковского в обувке, поразившей Зинанду Николаевну. «Какие на вас странные гетры!», — сказала она, направив на есенинские ноги лорнет, а он ответил — будто бы простиливо: «Это валенки». Он играл и тогда, когда они с Николаем Клюевым, оба еще неизвестные, взяли по ведру с краской, кисти и пришли на дачу поэта Годлевского, в ту пору — знаменитости и мэтра, красить забор за соблазнительно малую цену. Покрасили, пошли, как волится, на кухню с харчом и магарычом и, к изумлению хозяина, начали читать стихи. В общем, как заметил ироничный Виктор Шкловский, «доставили Сергею Митрофановичу Годлевскому удовольствие сея открыть».

Когда-то Петр Яковлевич Чаадаев, по чисти и язвительности ни с кем не сравнимый, заметил, что, когда славоянфили Константина Аксакова появляется на московских улицах в костюме, который считает истиной русским, народ принимает его за персонацию. Что до Есенина, то не нужно было иметь ни едкого заудаевского ума, ни рекламистского опыта Маяковского, чтобы увидеть в его лапах и рубашке с крестиками — как позже в блестящем цилиндре,

самого. Он играл, когда явился в салон Гиппиус и Мережковского в обувке, поразившей Зинанду Николаевну. «Какие на вас странные гетры!», — сказала она, направив на есенинские ноги лорнет, а он ответил — будто бы простиливо: «Это валенки». Он играл и тогда, когда они с Николаем Клюевым, оба еще неизвестные, взяли по ведру с краской, кисти и пришли на дачу поэта Годлевского, в ту пору — знаменитости и мэтра, красить забор за соблазнительно малую цену. Покрасили, пошли, как волится, на кухню с харчом и магарычом и, к изумлению хозяина, начали читать стихи. В общем, как заметил ироничный Виктор Шкловский, «доставили Сергею Митрофановичу Годлевскому удовольствие сея открыть».

Правда, по другой версии, исходящей от довлатовских друзей, некие старушки-пушкинолюбки, наоборот, в ярости попытались побить незадачливого эрудита зонтиками, но, знаете, почему-то вертился в первую версию. Тут ведь не только ошибка автора и невежество его слушателей — а ехели и невежество, то, что не совсем то рода, как вон проезд, заданный тогда же Довлатовым: «...Погиб умирая, — Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющих в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в убийстве... Кого? Евреев? Гебистов? Евреев-гебистов? Выбор не сильно широк, но упротив в отыскании необоримо. Хотя мало того, что на этот счет есть ряд разъяснений специалистов (мне особо запомнилась статья профессора Б. Салковского в «Независимой газете» трехлетней давности), — но как же это шпионаж отводит от действительной драмы, определенной Блоком, который поставил диагноз своей и не только своей судьбы: «...Погиб умирая, потому что дышать ему уже нечем...» И врод ли те, что телепередач и статьи, обвиняющие в